

DOI 10.23859/2587-8344-2017-1-1-3

УДК 80/81; 94(497.1)

Глеб Петрович Пилипенко

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения Российской академии наук
Москва, Россия
glebpilipenko@mail.ru

Культурная и историческая память венгров Нови-Сада в районе Телеп

Аннотация. В статье анализируются нарративы информантов о Телепе, районе г. Нови-Сад, который в прошлом был населен преимущественно венграми. Собеседники напрямую связывают урбанизацию с изменением их уклада жизни, а также с ослаблением позиций венгерского языка. В то же время функционирование венгерского языка неразрывно ассоциируется именно с районом Телеп, как с самым венгерским местом на карте Нови-Сада.

Ключевые слова: Нови-Сад, нарративы, культурная память, историческая память, венгры, венгерский язык, сербы, город

Введение

Венгры являются самым многочисленным национальным меньшинством в автономном крае Воеводина, входящем в состав Республики Сербия. По переписи 2011 года венгры составляют 13 % жителей региона из общего населения примерно 2.000.000 человек¹. Сам край отличается чрезвычайно пестрым этническим составом, здесь также проживают румыны, хорваты, буневцы, русины, македонцы, украинцы, словаки. Национальным меньшинствам гарантированы все права (осуществляется образование на родном языке, существуют СМИ), венгерский, словацкий, румынский, русинский и хорватский языки признаны официальными языками края наряду с сербским языком, а в населенных пунктах, где доля меньшинства превышает 15 %, устанавливаются двуязычные надписи на дорожных указателях и административных учреждениях.

В основном венгерская община проживает на севере края вдоль границы с Венгрией, а также в Потисье. Однако небольшие группы венгров есть и на юге Воеводины, так, в Банате в селах Скореновац, Иваново проживают венгры-секеи, переселенцы из Буковины. В исторической области Срем венгры живут

---

¹ *Попис становништва, домаћинства и станова 2011. у Републици Србији. Национална припадност. Подаци по општинама и градовима.* Београд, 2013. С. 20.

в Марадике, Шатринцах, Добродоле, Ириге, Никулинцах, Плитичеве. Эти банатские и сремские населенные пункты являются самыми южными на венгерской этнической карте края. В столице Воеводины, в городе Нови-Сад, венгры составляют 3,88 % (9735 чел.). Венгерское население концентрируется в основном в районе Телеп, который изначально был основан как венгерское поселение, а также в сопредельных городских районах – Лимани, Адамовичево на селе, в центре города. Характер поселения венгров как в упомянутых банатских и сремских селах, так и в самом Нови-Саде – островной: венгры не образуют в южной Воеводине сплошного массива расселения. В таких условиях языковая ассимиляция происходит ускоренными темпами, к тому же сказывается влияние и городской среды, способствующей большей вовлеченности национальных общин в общественную и культурную жизнь. В городе есть несколько школ с венгерским языком обучения, а в университете действует кафедра хунгарологии, где образование можно также получить на венгерском языке.

Основная часть

С целью изучения лингвистических особенностей двуязычия венгерской общины, а также изучения народной традиции национальных меньшинств края, с 2012 г. ведется планомерная полевая работа в населенных пунктах Воеводины. Исследования проводятся в рамках совместного проекта между Институтом славяноведения РАН и Институтом балканистики Сербской академии наук и искусств. В 2012 г. были обследованы села южного Баната (Скореновац, Войловица), в 2013 проведено исследование среди венгерской общины Нови-Сад, в 2014 г. удалось посетить венгров в потисском регионе (Ада, Адорьян), в 2015 г. полевое исследование проводилось в центральном Банате (Зренянин, Михайлово, Бело Блато), в 2016 г. – в селах исторической области Срем (Марадик, Шатринци, Добродол), а также в Ириге и Руме². С информантами ведутся беседы на социолингвистические и этнолингвистические темы, используется

---

² Подробнее о результатах экспедиции в Воеводину, а также в другие контактные венгерско-славянские регионы можно посмотреть здесь: *Пилипенко Г.П.* Второязычная речь закарпатских венгров: социолингвистический и структурный аспект // *Українсько-угорські міжновні контакти: минуле і сучасність. Az ukrán-magyar nyelvi kapcsolatok múltja és jelene.* Ужгород, 2014. С. 246–265; *Пилипенко Г.П.* Некоторые аспекты изучения словенской речи прекурских венгров // *Slovenica II. Славянский межкультурный диалог в восприятии русских и словенцев.* М., 2012. С. 251–257; *Пилипенко Г.П.* Контактные особенности в языке венгров города Нови-Сад // *Материалы 44 Международной филологической научной конференции 11–16 марта 2014 г. Уралистика / Под ред. доц. Н.Н. Колпаковой.* СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. С. 76–82; *Pilipenko G.* Russian language among Hungarians in Transcarpathian Region (Ukraine): Sociolinguistic Features // *Empires and Nations from the Eighteenth to the Twentieth Century, Vol. 1. (Ed.): A. Biagini, G. Motta.* Cambridge, 2014. Pp. 169–181.

метод полуструктурного интервью. Основной задачей является получение нарративов с целью дальнейшего внутрисктурного лингвистического, лингвопрагматического, этнолингвистического анализа. Однако в процессе бесед возникают темы, которые не укладываются в парадигму лингвистического исследования. Одной из таких тем оказывается история самой общины, ее место на этнокультурной карте края. В настоящей статье будет рассмотрена культурная и историческая память информантов венгерского района Телеп в городе Нови-Сад.

Индивидуальная память является результатом связей индивида внутри социальной группы, начиная с семьи и заканчивая религиозными и национальными группами; она индивидуальна в том смысле, что она всегда уникальна³. Отношение между коммуникативной и культурной памятью может быть выстроено как различие между повседневным и праздничным, светским и религиозным, эфемерным и прочным, частным и общим, подвижным и фиксированным⁴. Поскольку основным источником анализа являются нарративы информантов, необходимо дать им определение. Так, нарративы можно понимать как истории с началом, серединой и концом, которые содержат вывод или некий опыт рассказчика⁵. Под нарративом понимается также повествовательная структура, которую характеризует определенное устройство во времени, как и ряд точно определенных структурных частей⁶. Самые важные лингвистические средства проявления коллективной памяти – это коллективные нарративы об общем прошлом, которые повторяются большинством⁷. М. Илич полагает, что нарративы из личного опыта продуцируются индивидами или группой индивидов, в то время как коллективный нарратив повторяется большинством или значительной группой членов общины; нарративы из личного опыта составляют коммуникативную память, тогда как коллективные нарративы относятся к культурной памяти⁸. Т. Петрович утверждает, что через анализ индивидуальных высказываний мы можем распознать более широкий контекст событий,

---

³ *Assmann J. Cultural Memory and Early Civilization. Writing, Remembrance, and Political Imagination. Cambridge et al., 2011. P. 22.*

⁴ *Ibid. Pp. 5–6.*

⁵ *Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. Харьков, 2009. С. 172.*

⁶ *Ђурковић С. Стереотип времена у дискурсу раселиних лица са Косова и Метохије. Београд, 2012. С. 88.*

⁷ *Ilić M. Discourse and Ethnic Identity. The Case of the Serbs from Hungary. Berlin-Munich, 2014. P. 243.*

⁸ *Ibid. P. 289.*

вписать его в социальный контекст, благодаря самой социальной природе высказывания⁹.

Интервью используется многими гуманитарными науками как средство получения эксплицитной и имплицитной информации. Нас интересовали культурные практики прошлого и опыт информантов при их социализации, а также факты современной лингвистической реальности. Во время интервью, когда целью служит выяснение биографии информанта, «опрашиваемые должны сами структурировать свой рассказ как “эксперты своей жизни и опыта”»¹⁰, через воспоминания они реконструируют события, действия, переживания. У. Вольф-Кнутс говорит следующее о процессе воспоминания, главном в дискурсе наших информантов:

«Когда мы вспоминаем и рассказываем другим о нашем жизненном выборе, мы восстанавливаем события в нашей психике, мы устанавливаем контакт с самим собой как с другим человеком, решения и поступки которого мы рассматриваем «извне». Мы оцениваем этот жизненный выбор и ведем переговоры с самим собой в процессе оценки»¹¹.

Для наших целей было важным выяснить, как происходит оценка отдаленных по времени событий, а также то, какие вербальные и невербальные средства для этого используются. Благодаря воспоминаниям наших информантов мы можем узнать, какими были в прошлом те населенные пункты, районы, места, в которых проходили экспедиции. При применении ретроспекции возникает близкий каждому человеку образ, связанный с его детскими, юношескими годами, молодостью. Информанты делятся знаниями об облике тех мест, их инфраструктуре, архитектуре зданий, планировке, что воссоздает атмосферу самого места и одновременно позволяет собрать сведения о языковой ситуации.

Далее мы приведем фрагменты бесед с информантами о Телепе, районе г. Нови-Сад, в прошлом населенном преимущественно венграми, каким он запомнился информантам на временной дистанции с конца 40-х и, примерно, до начала 70-х гг. XX века. Приводятся фрагменты интервью от информантов-венгров на сербском и венгерском языках, от старожилов-сербов на сербском языке, и от информанта украинской национальности на украинском языке.

⁹ Petrović T. Srbi u Beloj Krajini. Jezička ideologija u procesu zamene jezika. Beograd, 2009. P. 179.

¹⁰ Vavti Š. Lebenswestliche Rahmenbedingungen und ihr Einfluss auf die Selbstpräsentation in biografischen Erzählungen: Fallstudie Katja // Razprave in gradivo, Revija za narodnostna vprašanja, 67, April, Ljubljana, 2012. P. 58.

¹¹ Wolf-Knuts U. Would I have been Better Off There? Comparision, Need and Conduciveness in Finnish Emigrant's Account // Journal of Ethnology and Folkloristics. Vol. 8. No. 1. 2014. P. 3.

Сам Телеп был основан в окрестностях г. Нови-Сад в конце XIX века по плану министра сельского хозяйства Венгрии Игнаца Дорани (*Ignác Darányi*). По фамилии министра и называли это поселение (*Dorányi telep – поселение Дорани*). Поселенцам предоставлялась земля для посадки виноградников и для строительства дома. Александр Адамович, торговец вином, предоставил для разведения виноградники (в его честь назван соседний с Телепом район *Adamovićevo naselje*)¹². На Телепе поселились венгры¹³, которые стали заниматься сельским хозяйством, выращивали виноград:

[1] *Telep az úgy keletkezett hogy azt a részt fölszabdalták, és akkor kaptak egy szőlőt az emberek, és egy házhelyet, nem tudom, hány ezer család kapott így, az első világ háború előtt ... szőlőművések, sokkal jártak át csónakkal, a Fruska Gorára, ott volt szőlőjük, és akkor itt is volt, nagyon sokan szőlősgazdák voltak* (Телеп возник так, что эту часть нарезали, и люди получили виноградники, и место для дома, не знаю, сколько тысяч семей так получили, до первой мировой войны ... виноградари, они много ездили на лодках, на Фрушку Гору, там были их виноградники, и потом тут тоже были, очень **многие были виноградарями**) (НС)¹⁴.

Другой информант рассказывает о своих детских впечатлениях (50-е гг.). В рассказе он воссоздает атмосферу провинциального, практически сельского быта, когда улицы еще не были асфальтированы, что позволяло детям больше времени проводить вне дома со сверстниками, а родителям не бояться за их безопасность из-за движения автомобилей. Образ бабушки информанта, сидящей перед домом и беседующей с соседями, призван усилить впечатление о сельском характере Телепа того времени. Жители Телепа выращивали овощи в своих огородах, что сейчас трудно себе представить в условиях современного города из-за возросшей урбанизации и сноса старых домов в частном секторе. Информант с ностальгией вспоминает то время:

---

¹² *Dragin A. Životna priča kao metod beleženja rodnih aspekata istorije žena: Mađarica sa Telepa Novi Sad, 2015. P. 17.*

¹³ Венгерское население было также в самом Нови-Саде, однако в урбанной среде венгры не преобладали. Так, в XVIII веке в городе существовал только один профессиональный венгерский цех, цех сапожников (*Érdújhelyi M. Újvidék története, 1894, Újvidék, 2002, 228 о.*), тогда как другими цехами владели немцы и сербы. О мультиконфессиональном характере Нови-Сада в конце XIX века свидетельствуют данные переписей: в 1891 году католиков насчитывалось 9581, православных (в основном сербы) 8908, евангелистов (в основном немцы и словаки) 2449, реформатов (в основном венгры) 1928, иудеев 1507 [*Ibid 168 о., 172 о., 188 о., 189 о., 192 о.*].

¹⁴ При передаче отражались индивидуальные особенности речи информантов. После каждого примера приводится место записи.

[2] *Telep je naravno nije izgledao ovako urbano, ulice nisu sve bile asfaltirane, ali po meni je to bilo jako lepo, zato što su se deca igrala na ulici, nije bilo tolko saobraćaja, više se družilo, znam, da i roditelji su se više družili, moja baka je onako još sedela ispred kuće sa komšinicama i pričala tako da ovaj, mislim, dobro, to su bila takva vremena, autobusom smo išli do grada, nije bilo tolko automobila, bile su velike bašte, svi su oko svoje **okućnice**, imali ono osnovno povrće, voće, meni je bilo jako lepo u ono vreme* (Телеп, конечно, не выглядел так по-городскому, не все улицы были асфальтированы, но, по-моему, это было очень хорошо, потому что дети играли на улице, не было такого движения, больше общались, я знаю, что и родители больше общались, моя бабушка вот так еще сидела перед домом с соседками и разговаривала, так что, я думаю, хорошо, это были такие времена, на автобусе мы ехали до города, не было столько автомобилей, были большие огороды, все около своего **огорода**, были основные овощи, фрукты, мне было очень хорошо в то время) (НС).

В третьем фрагменте [3] описан уже другой период, детство информанта, пришедшееся на 60-е гг. Мы видим, что дети могли спокойно кататься на санках, оставаясь на улице до темноты:

[3] *Szóval mi történi a Telepen? **amikor én gyerek voltam**, nem éreztem semmit, mentünk szánkózni, téli szünet volt, együtt mentünk az egész utca, nem volt hogy vártuk azt a hét órát este hogy leessen a sötét, az egész utca, gyerekek* (Словом, что происходит на Телепе? Какая там жизнь? **Когда я была ребенком**, я не чувствовала ничего, мы шли кататься на санках, были зимние каникулы, мы вместе шли по улице, не было, чтобы мы ждали семи вечера, что стемнеет, вся улица, дети) (НС).

Однако в последнее время Телеп меняется. Изменение городского ландшафта отмечено в четвертом фрагменте [4]: земли сельскохозяйственного назначения застраиваются, город расширяется. Информант говорит о том, что их старый дом снесли, а затем дали квартиру в новостройке:

[4] *P. Most nincs, mert **lebontották a házakat**, építették azt a ...*

G. Ez új?

P. Persze, ez most lett felépítve, mennyi? egy éve hogy behozták az embereket, itt volt nekünk a házunk, szóval itt volt a szomszédnak a háza, itt voltunk mink, és a ház névébe kaptam eztet ahol dolgozok.

П. Сейчас нет, потому что **дома снесли**, построили этот...

Г. Новый?

П. Конечно, это сейчас построили, сколько? Один год, как заселили людей, здесь был наш дом, словом, здесь был соседский дом, здесь были мы, и за свой дом я получила это [помещение], где я работаю (НС).

О сельском характере окрестного ландшафта говорит информант украинской национальности, проживающий на севере от района Телеп. Ниже приводятся свидетельства, относящиеся к послевоенному времени:

[5] *Град, Нови-Сад, кад смо приїхали сюди тут було, **все бїли хатї**, домá, не булі оцї такї двоетáжні, óвай, не є було, було хатї, пóсля, сад два рóка, як зробїли оцї хатї там, отї домá, етáжні, **все бїли поля**, там, Хфúтошки, Хфúтошка дорóуа, тáмо все булі хатї и поля, все су лúди сїяли жїто, пше-ницý, все су тáмо сїяли лúди, **нїє є було тáко** (Город, Нови-Сад, когда мы приехали сюда, тут было, **все были дома**, не были такие двухэтажные, это, не было, были дома, сейчас два года, как сделали эти дома там, эти дома, многоэтажные, **все были поля**, там, Футошки, Футошки пут, там все были дома и поля, люди сеяли пшеницу, все люди сеяли, **не было так**) (НС).*

В контексте нашего исследования важно, что изменение архитектурного ландшафта и урбанизация влекут за собой и изменение в этническом составе населения и, как следствие, в языковой ситуации. Под языковой ситуацией мы понимаем «языковое обеспечение коммуникации в социуме»¹⁵. В самом районе Телеп еще сохранились частные дома с типичной застройкой, однако постепенно практика сноса старых домов и замена их многоквартирными современными комплексами проникает и сюда. Сегодня район Телеп считается одним из престижных в Нови-Саде¹⁶. До появления в окрестностях Телера промышленных предприятий, в этой части Нови-Сада еще сохранялась «венгерская среда», позже сюда начинают переезжать сербы. По данным статистики, на 2005 год в районе проживало 17000 жителей, большинство составляли сербы¹⁷. А. Драгин пишет, что многие сербы переселились в эту часть города в последние два десятилетия¹⁸. Тем не менее, Телеп продолжает оставаться центром венгерской культурной жизни, здесь функционирует культурное общество им. Шандора Петефи, две восьмилетние школы, в которых открыты венгерские

¹⁵ *Нещименко Г.П.* Языковая ситуация в славянских странах. М., 2003. С. 15.

¹⁶ *Dragin A.* Životna priča kao metod beleženja rodnih aspekata istorije žena: Mađarica sa Teleru Novi Sad, 2015. S. 17.

¹⁷ *Uri F.* Telep // Enciklopedija Novog Sada. Knjiga 28. Novi Sad, 2007. S. 63.

¹⁸ *Dragin A.* Životna priča kao metod beleženja rodnih aspekata istorije žena: Mađarica sa Teleru Novi Sad, 2015. S. 18.

классы (в последнее время численность учащихся в них снизилась) – школа им. Аттилы Йожефа и школа им. Николы Теслы.

Телеп считался тем местом, где заканчивается город и начинается село. До окраин города ходил трамвай. Жители Телера помнят, как было непросто добраться до центра Нови-Сада. На ощущение социальной и национальной обособленности накладывалось еще чувство географической изолированности жителей Телера, сформированное из-за его труднодоступности и удаленности. Регулярное сообщение с центром Нови-Сада было установлено только в 1958 году¹⁹. Ниже приведем свидетельства информантов о транспортной доступности Телера:

[6] *Cara Dusana, igen, kétharmada akkor magyar, de akkor még családi házak voltak, most már alig van belőlük négy, öt (Cara Dusana (бульвар Царя Душана), да, две трети были тогда венграми, но тогда были частные дома, а сейчас едва наберется четыре-пять [частных домов])* (НС).

[7] *K. Ezen a nagy sugárúton valamikor is ment a vasút, ez vasút volt, és ment a postáig, egy kis posta, piac, Limáni piac, ott van egy kis posta, az volt a vasútállomás, s akkor erre ment a vasút, még részei megvannak, arra vége felé ... itt volt a városnak a vége, a villamos, tramvaj, az itt fordult meg, ezen a sarkon, és itt volt a kórház, ez akkor a városnak a széle volt, **Telep az már ilyen falunak számított.***

G. Tehát nem volt a város része?

K. Igazán nem, különállónak tekintették, olyan külváros, amit hát külön tekintettek.

*K. На этом большом проспекте когда-то была железная дорога, это была железная дорога, она шла до почты, небольшое здание почты, рынок, лиманский рынок, там есть небольшое здание почты, когда-то это была станция, и до туда шла железная дорога, ее части и сегодня есть, туда до конца... там был конец города, трамвай тут разворачивался, на этом углу, и тут была больница, и это была окраина города, **Телеп уже считался селом.***

G. То есть он не был частью города?

K. На самом деле нет, его считали отдельной частью, такое предместье, которое, ну, можно считать отдельным (НС).

[8] *Nem, **Telepen nagyon nehéz volt a közlekedés, amikor én idekerültem, akkor is nehéz volt, kellett erre busszal és utána mentél valahova, Telepről bussz*** (Нет, **на**

¹⁹ *Dragin A. Životna priča kao metod beleženja rodnih aspekata istorije žena: Mađarica sa Teleru Novi Sad, 2015. S. 17.*

Телепе было очень трудно с транспортом, когда я попал сюда, и тогда было трудно, до этого места нужно было ехать на автобусе, а потом ты шел куда-то, с Телепа автобус) (НС).

Прошлое ассоциируется с преобладанием венгерского населения в районе Телеп, с большей ролью венгерского языка в локальном сообществе²⁰. Символической границей этого периода являются индустриализация, урбанизация и приток сербского населения. Смену эпох информант из 9 фрагмента [9] характеризует фазовым глаголом (*utána már kezdődött* – и потом уже началось). С. Чиркович, анализируя временные маркеры в речи косовских беженцев, также отмечает частое использование глагола «начаться» в нарративах (*počelo je*), который «символизирует начало войны [война в Косово] как временную границу, по отношению к которой собеседники лоцируют события, о которых говорят»²¹.

[9] *Telepen java rész magyarok voltak, akkor a mestereim magyarok voltak, java részt, mondjuk rá, huszonöt, harminc évig, utána már kezdődött, nagyobb vállalat, több szerb jött, akkor már nem, sokkal többet beszéltünk akkó így a néppel, mert sokkal több magyar volt, az üzletekbe is még a környezetbe, szomszédok, a gyerekkorban még a legénykorban mint már ma* (**На Телепе большей частью были венгры**, тогда моими мастерами были венгры, большая часть, скажем, двадцать пять, тридцать лет, **потом уже началось**, большие предприятия, приехало много сербов, тогда нет, мы гораздо больше разговаривали с людьми, потому что **было гораздо больше венгров**, в магазинах и в окружении, соседи, в моем детстве и юношестве, чем сейчас) (НС).

Об особой среде, где все друг друга знали и, благодаря этому, было чувство большей безопасности, свидетельствует информант в 10 фрагменте [10]. Эти воспоминания являются контрастом для современной ситуации, когда потеряна связь с окружающими из-за миграций и смены поколений:

---

²⁰ О венгерском характере Телепа в прошлом упоминает информант в исследовании А. Драгин: *Mađarska. Mađarska deca, uglavnom su Mađari bili na Telepu. Na Telepu je... je, je retko ko bio... a da nije bio Mađar. Mađarska, mađarska, ceo Telep je bio mađarski* (Венгерские. Венгерские дети, в основном венгры были на Телепе. На Телепе..., редко кто был, не венгр. Венгерские, венгерские, весь Телеп был венгерским): Dragin A. *Životna priča kao metod beleženja rodnih aspekata istorije žena: Mađarica sa Telepa Novi Sad*, 2015. S. 87.

²¹ *Чирковић С. Стереотип времена у дискурсу расељених лица са Косова и Метохије*, Београд, 2012. С. 88.

[10] *Jako dugačka ulica, ona ide skroz do Futoga, moji su negde tu na polovini, ja sam nekad znala u svakoj kući ko stanuje* (Очень длинная улица, она идет до Футога, мои где-то там на середине, **я когда-то знала, кто живет в каждом доме**) (НС).

Заключение

Таким образом, Телеп и районы Нови-Сада, непосредственно примыкающие к нему (Детелинара, Адамовичево насеље, Грбавица), сегодня подвергаются форсированной урбанизации²². На смену сельскому укладу, который еще застали информанты, приходит большой город с его закономерностями развития. Постепенно вымывается старая среда, ощущение географической обособленности, чувство того, что Телеп находится на окраине Нови-Сада (и в какой-то степени даже ему не принадлежит). Ср., например, мнение информанта об изменениях в районе Грбавица:

[11] *Az úgy nevezett Grbávicának nevezik, ez a Limán mellett, szóval, nem tudom megmagyarázni, a Limáni piac mögötti része, ahol földszintes házak voltak, tíz évvel ezelőtt és most kezdődött a földszintes családi házak lebontása* (Так называемая, **называется Грбавица**, это рядом с Лиманом, я не могу объяснить, район за лиманским рынком, **где были одноэтажные дома**, десять лет назад, и начался снос частных домов) (НС).

Как результат, трансформируется и языковая ситуация: вместе с патриархальностью, сельским бытом уходит и замкнутый венгерский мир; промышленные предприятия и жилые объекты как бы накладываются на венгерскую основу, которую все труднее разглядеть в городском ландшафте, и о которой визуально свидетельствуют лишь топонимика (в том числе и названия улиц²³: *Kiš Ernea, Senteleki Kornela, Petefi Šandora, Adi Endrea, Karas Pala, Đorđa Mikeša* и др.), культурные учреждения (культурное общество им. Шандора Петефи) и конфессиональные объекты (католическая и реформатская церкви). Собеседники напрямую связывают урбанизацию и изменение их уклада жизни, а также ослабление позиций венгерского языка в повседневной жизни Телепа. В то же время функционирование венгерского языка неразрывно ассоциирует-

²² Dragin A. Životna priča kao metod beleženja rodnih aspekata istorije žena: Mađarica sa Telepa Novi Sad, 2015. S. 18.

²³ Следует отметить, что в сербской топонимике, а также в названиях учреждений (библиотеки, школы) на сербском языке, венгерские имена и фамилии передаются в соответствии с порядком слов в венгерском языке, когда фамилия предшествует имени (венг. *Ady Endre*, рус. *Эндре Ади*, серб. *Adi Endre*), тогда как собственно сербские имена и фамилии пишутся в ином порядке (ср. *ulica Jovana Popovića*).

ся именно с районом Телеп, как с самым венгерским местом на карте Нови-Сада.

Рис. 1. Нови-Сад. Венгерский театр

Рис. 2. Район Телеп

Список литературы

1. Нецименко Г.П. Языковая ситуация в славянских странах. М.: Наука, 2003. 279 с.
2. Пилипенко Г.П. Некоторые аспекты изучения словенской речи прекмурских венгров // Slovenica II. Славянский межкультурный диалог в восприятии русских и словенцев. М.: Институт славяноведения РАН, 2012. С. 251–257.

3. *Пилипенко Г.П.* Второязычная речь закарпатских венгров: социолингвистический и структурный аспект // Украинсько-угорські міжновні контакти: минуле і сучасність. Az ukrán-magyar nyelvi kapcsolatok múltja és jelene. Ужгород: Видавництво В. Падяка, 2014. С. 246–265.
4. *Пилипенко Г.П.* Контактные особенности в языке венгров города Нови-Сад // Материалы 44 Международной филологической научной конференции 11–16 марта 2014 г. Уралистика / Под. ред. доц. Н.Н. Колпаковой. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. С. 76–82.
5. Попис становништва, домаћинства и станова 2011. у Републици Србији. Национална припадност. Подаци по општинама и градовима. Београд, 2013. URL: [http://pod2.stat.gov.rs/ObjavljenePublikacije/Popis2011/Nacionalna %20pripadnost-Ethnicity.pdf](http://pod2.stat.gov.rs/ObjavljenePublikacije/Popis2011/Nacionalna%20pripadnost-Ethnicity.pdf) (Дата обращения: 2017-16-02)
6. *Тучер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е.* Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Гуманитарный центр, 2009. 356 с.
7. *Ђурковић С.* Стереотип времена у дискурсу расељених лица са Косова и Метохије. Београд: Балканолошки институт САНУ, 2012. 222 с.
8. *Assmann J.* Cultural Memory and Early Civilization. Writing, Remembrance, and Political Imagination. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 2011. 334 p.
9. *Dragin A.* Životna priča kao metod beleženja rodnih aspekata istorije žena: Mađarica sa Telepa Novi Sad: Magyar Szó, 2015. 170 p.
10. *Érdújehelyi M.* Újvidék története, 1894. Újvidék: Agapé, 2002. 346 p.
11. *Ilić M.* Discourse and Ethnic Identity. The Case of the Serbs from Hungary. Berlin-Munich: Otto Sagner Verlag, 2014. 344 p.
12. *Petrović T.* Srbi u Beloj Krajini. Jezička ideologija u procesu zamene jezika. Београд: Балканолошки Институт, 2009. 229 p.
13. *Pilipenko G.* Russian language among Hungarians in Transcarpathian Region (Ukraine): Sociolinguistic Features // Empires and Nations from the Eighteenth to the Twentieth Century, Volume 1. (Ed.): A. Biagini, G. Motta. Cambridge Scholars Publishing, 2014. P. 169–181.
14. *Ћри F.* Telep // Enciklopedija Novog Sada, knjiga 28, Novi Sad, 2007. 336 p.
15. *Vavti Š.* Lebensweltliche Rahmenbedingungen und ihr Einfluss auf die Selbstpräsentation in biografischen Erzählungen: Fallstudie Katja // Razprave in gradivo, Revija za narodnostna vprašanja, 67, April, Ljubljana, 2012. P. 52–73.
16. *Wolf-Knuts U.* Would I have been Better Off There? Comparison, Need and Conduciveness in Finnish Emigrant's Account // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2014. Vol. 8. № 1. P. 3–22.